

Книжное обозрение

Эптон Синклер „Мокрый парад“ 1931¹

Новый роман Синклера вышел в свет в конце 1931 года, в период «кризиса все возрастающей интенсивности» (как охарактеризовал его сам Синклер в своей недавней статье), в период, когда этот кризис из факта, который тщательно замазывался и игнорировался, успел превратиться в грозную действительность, стоящую перед всей капиталистической Америкой. Однако, если Синклер-публицист дал свой ответ на те вопросы, которые ставит в настоящий момент история перед каждым писателем, перед каждым общественным деятелем, то Синклер-художник, как показывает его последний роман, даже и не поставил еще этих вопросов, оказался далек от них. «Мокрый парад» — это не проблема кризиса, это не проблема классовой борьбы и революции, это проблема алкоголизма и «ликвидирующей» его реформы — пресловутой американской «prohibition» (запрещение спиртных напитков).

Подобная тема — не новость в творческом развитии Синклера. Проблемы, связанные с социальными аномалиями буржуазного общества, вопросы как социальной, так и биологической гигиены не раз имели уже место в его творчестве. Достаточно вспомнить хотя бы его небеллетристическую книгу «Лечение постом» (1911) или широко известное «Замужество Сильвии» (1914). В ряду такого рода произведений Синклера должен занять место и «Мокрый парад».

Мы далеки от того, чтобы ставить в упрек Синклеру открыто публицистическую направленность его книги, — так, как это делают сейчас некоторые буржуазные критики в Америке, возмущающиеся с позиций «чистого» искусства слишком «низменным» характером его последнего романа. Наоборот, в Синклер-художнике мы всегда приветствовали прежде всего Синклера-общественника. Именно «публицистичность» его творчества, именно то, что в подавляющем большинстве его произведений каждая строка так или иначе проникнута духом борьбы, хотя и не всегда с правильных позиций, духом боевой критики всех сторон капиталистического общества, — именно это делает Синклера близким нам писателем. Но в данном своем романе Синклер направляет оружие своей публицистической критики на разрешение таких проблем, которые сами, в конечном счете, притупляют его остроту.

Алкоголизм — одна из язв, неизбежно сопутствующих капитализму и подлежащая неиз-

бежной ликвидации в социалистическом обществе, — перерастает у Синклера свои действительные рамки, становится из одного из сопутствующих явлений общественной жизни капиталистической Америки могущественным фактором, управляющим этой жизнью. Вся американская общественная действительность окрывается в глазах Синклера окрашенной, более того, насквозь проникнутой и даже определяемой влиянием алкоголизма.

«Вы сталкиваетесь уже не просто с личными страданиями, отравленными нервными клеточками и циррозной печенью; вы сталкиваетесь с отравленной поэзией и циррозной душой. Все общество оказывалось одурманенным; вы имели дело с литературой пьяниц, с театром пьяниц, с искусством пьяниц вы имели дело с газетами пьяниц и с передовыми статьями пьяниц, с клубами и обществами пьяниц, с университетскими и государственными деятелями пьяниц — и с двумя политическими партиями пьяниц. Во всей деятельности этих индивидуумов и организаций вы замечали одни и те же явления беспоконья и раздражительности, неудовлетворенности и злобной виноватости, — все симптомы притупления нервных клеточек, отвердения и судорожного сокращения печеночной ткани, получившей желтую окраску, с желчной пигментацией».

Алкоголизм, взятый прежде всего в его биологической сущности, а не в его социальном значении, приобретает, таким образом, у Синклера решающее общественное значение, определяет собою все развитие американского общества чуть ли не наравне с законами классовой борьбы. Это механистическое сведение социального к чисто биологическому, эта подмена раскрытия классовых факторов развития общества постановкой проблемы «окаменения нервных клеточек» на почве алкоголизма как движущей силы американской политической борьбы, накладывает свой отпечаток на весь роман Синклера. Второстепенное, сопутствующее общественное явление Синклер переоценивает настолько, что оно заслоняет перед ним действительный процесс развития американского общества.

Отсюда — вся фальшивость синклеровского романа. История Мэggi Мей, женщины с Юга, из плантаторской семьи, отказывающейся от всех общественных благ, принадлежащих ей по праву рождения, двоим именем борьбы с алкоголизмом, и ее мужа, Кипа Тэрлтона, который также, испытав на своей семье губительное действие алкоголя, становится в ряды воинствующих «сухих» и «героически» гибнет на славном посту агента по проведению в жизнь закона о запрещении спиртных напитков, — эта история, несмотря на весь свой сентиментальный по-

¹ Upton Sinclair, „The Wet Parade“, 1931. Pasadena, California, Edited by the author.

кров, звучит в корне фальшиво. Когда-то носителями идеалов нового общественного строя были у Синклера рабочие революционеры-мученики, как Джимми Хиггинс, или, в худшем случае, христос-плотник с его «социалистическим» евангелием («Меня зовут Плотником»). В «Мокром параде» роль социального апостола предоставляется правительственному агенту, выслеживающему нарушителей «сухого» закона, а евангелием нового общества оказывается... сам закон о запрещении спиртных напитков, который Синклер, устами своей Мэгги Мэй, объявляет «величайшим шагом вперед, который был когда-либо сделан в Америке». Правда, Синклер и в этом романе не теряет полностью остроты своего общественного зрения. Он не может не замечать неудовлетворительности, ложности того буржуазного выхода из проблемы алкоголизма, который представляет собой «сухой закон», и не может игнорировать тех бесконечных злоупотреблений, той классовой «несправедливости», которые имеют место при проведении его в жизнь, точно так же, как они имеют место во всей общественной жизни при буржуазном строе. Синклер дает в своем романе сатиру на «мокрых», на злоупотребления, связанные с проведением запрещения спиртных напитков. Он показывает крупного финансового магната Ричарда Фессендена, поправляющего свое состояние, пошатнувшееся было под влиянием послевоенного кризиса, с помощью спиртной контрабанды, — иными словами, наживающегося в конечном счете благодаря тому же «сухому закону». Но этот и другие, подобные ему, сатирические выпады никак не обобщаются, остаются разрозненными и в конечном счете случайными, не приводятся Синклером к одному общему социальному знаменателю. Вместо того чтобы в «классовом неравенстве», сопут-

ствующем проведению в жизнь «сухого закона», найти средство для беспощадной критики буржуазной демократии вообще, Синклер пытается апеллировать к этой демократии для ликвидации этого неравенства. Недаром с таким животрепещущим торжеством рисует он, например, картину суда, на котором разоблачается контрабандистская преступная деятельность капиталиста Фессендена и рассказывает о том, как полиция уничтожила принадлежавший ему и похищенный у него запас спиртных напитков.

В связи с этим характерен один момент в романе Синклера, где он рассказывает о рабочем митинге, на котором выступает Мэгги Мэй со своей лекцией в защиту «сухого закона», победоносно «разбивая», — так по крайней мере это кажется Синклеру, — все встречаемые ею возражения.

«Затем выступил нетерпеливый молодой коммунист, который хотел произнести речь и доказать, что вопрос о «сухом законе» — это лишь удочка, на которую стараются поймать рабочих капиталистические политики, чтобы удержать их от разрешения настоящих проблем».

Коммунисту не дают говорить, а Мэгги Мэй, очевидно с полного одобрения автора, провозглашает, что никто не может уйти от разрешения проблемы спиртных напитков, опираясь в своем возражении коммунистическому противнику на авторитет... Троцкого.

Здесь, в этих словах «молодого нетерпеливого коммуниста» у Синклера был ключ к правильному разрешению вопроса о «сухом законе». Но Синклер прошел мимо него и продолжает апеллировать к несуществующему

the WET PARADE

★ HIS MOST DARING NOVEL ★

UPTON
SINCLAIR

книжное обозрение

107

Обложка книги Э. Синклера «Мокрый парад».

призраку буржуазной демократии, призывая, в полном согласии с традициями реформизма, к проведению в жизнь этой «великой» реформы. Таким призывом звучат последние строки романа, когда Мэгги Мэй, после смерти своего мужа выступая на митинге, предлагает своим слушателям организовать на борьбу с содержателями баров и кабачков, создать новый крестовый поход во имя «сухого закона», под лозунгом, которым заканчивается книга: «Сухой закон не потерпел провала. Сухой закон не был испытан на практике. Испытайте его».

Невольно приходится вспомнить характеристику, данную Синклеру Лениным еще в 1915 году по поводу одного из антивоенных выступлений Синклера:

«Синклер наивен со своим призывом... ибо игнорирует условия роста революционных действий при наличии объективно-революционной ситуации и революционной организации. «Чувством» этого не заменишь. Суровой и беспощадной борьбы могучих течений в социализме, оппортунистического и революционного риторикой не обойдешь» (Ленин, т. XVIII, изд. 3, стр. 142).

Точно так же наивен оказывается и теперь «Мокрый парад» Синклера, приводящий, в конечном счете, к ложным выводам, демобилизационный по своей функции, несмотря на все пламенное боевое красноречие автора. Роман Синклера звучит фальшиво, — и этой основной фальши ему не удалось скрыть ни пафосом мученичества во имя «сухого закона», ни медицинскими экскурсами, которыми он подкрепляет свои доводы в защиту антиалкогольной реформы, ни романтикой патриархального плантаторского Юга, на фоне которой в значительной мере разворачивается роман.

А. Елистратова.

Империализм без маски

Империализм не любит обнаруживать свое лицо: он рядится обычно в маску прогресса, демократии, пацифизма, II Интернационала. Но нет-нет, да и выглянет из-под маски его подлинное лицо. Книгу д-ра Лежандра «Азия против Европы»¹ следовало бы широко распространить среди трудящихся Китая и Франции для того, чтобы они прониклись ненавистью к империалистическим хищникам.

Д-р Лежандр не из тех заурядных репортеров, которые, проведя неделю-другую в Кантоне или Шанхае, полагают необходимым тут же на пароходе, увозящем их в Европу, разрешиться наспех книжкой о Китае. Нет, Лежандр — «исследователь с особыми полномочиями». По его собственному признанию, тридцать лет он изучает Китай с точки зрения «научной, социальной и экономической». Это заставляет предполагать в нем человека универсальных знаний. Однако книга, опубликованная им по возвращении из путешествия, не блещет отнюдь знаниями. На несчетном количестве страниц автор развивает в ней свои положения в духе самого зоологического империализма.

¹ Legendre — „L'Asie contre l'Europe“ (Librairie Plon).

Социальная философия д-ра Лежандра несложна: человечество он рассматривает под углом зрения какой-то примитивной, антинаучной биологии. Существует иерархия видов и рас. Природа одаряет неравномерно как отдельных людей, так и народы: одни созданы повелевать другие — подчиняться. Одни — эксплуатировать, другие — быть эксплуатируемыми. Белая раса и французская буржуазия, порождающие Лежандров, без сомнения, созданы повелевать и эксплуатировать. Все, что угрожает их владычеству, подлежит гонению и истреблению.

Защитники капитализма, предчувствуя его неотвратимую гибель, вопят: «В Азии мятеж против нашей расы!» «Советская Россия, — надрыдается Лежандр, — готовится с тыла напасть на Европу, раздувает восстания в Азии!» (А пока что империалистические хищники раздирают Азию на клочки.) Как же обезопасить себя? — Договориться с Японией, «единственным серьезным барьером против красной Москвы, единственной страной, предлагающей нам свое сотрудничество».

Япония... Лежандр не скупится на похвалы «Великому Ниппону» и его социальной системе:

«Высокая дисциплина, совершенная организация, строгая, свято и беспрекословно соблюдаемая иерархия, уважение к высшим кастам — вот что представляет огромную социальную значимость... И в довершение всего почитание высокой особы императора увенчивает это прекрасное здание социальной устойчивости!»

Тогда как Китай охвачен анархией, в Японии высшие классы занимают еще заслуженное место.

«Эта аристократия блюдет традиции, блюдет законы древней морали, говорящие о силе их дисциплины, их социального и политического единства».

Япония «призвана служить в Азии преградой коммунистическому варварству».

Таким образом, буржуазия, та самая буржуазия, которая некогда провозгласила «права человека и гражданина», связана теперь с самыми реакционными силами мира — с абсолютизмом, с монархией, с феодальными кастами, с хищническим капитализмом, с религиозным обскурантизмом. Это она вооружает сейчас Польшу и Румынию и натравливает Японию на СССР. Невзрачный доктор Лежандр помимо воли вскрывает перед нами подлинный лик французского империализма, вдохновителя войн, заклятого врага Страны Советов и угнетенных колониальных народов, направляющего свои орудия против международного пролетариата.

План, выработанный Лежандром против Китая, — это план Клемансо 1919 г. против России, это план Николая I против Венгрии, план Людовика XVIII 1823 г. против Испании, это все тот же план всех «Священных союзов» самодержцев и капиталистов против революций, это — война.

«Коммунистическая смута, охватившая центральные провинции и грозящая распространиться по всей огромной территории Северного Китая, неопровержимо говорит о необходимости экстренных мер для предотвра-